

ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ ТЕРНЕЙСКОГО РАЙОНА ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Вадим Николаевич КАРАМАН, научный сотрудник Государственного архива Приморского края, аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Сфера научных интересов: история политических репрессий в СССР.

Весной 1932 г. из южной части Советского района Постановлением президиума Дальневосточного крайисполкома от 19 апреля 1932 г. был образован самостоятельный Тернейский район. Границы района определялись на севере — от мыса Золотого (Сев. Алеими) по хребту Сихотэ-Алинь до границы Ольгинского на юге»¹. К этому моменту в районе был один рабочий поселок — Пластун и 18 сельсоветов: Ампинский, Ахобинский, Беломбенский, Великокемский, Джигитский, Единский, Ключевский, Кузнецовский, Куналейский, Кхуцинский, Мысовский, Нахтахинский, Русский, Самаргинский, Синчандонский, Тернейский, Удэгейский, Ханкиндонский². В этот период практически всю Бикинскую долину вдоль берега Японского моря занимали старообрядческие хутора. Селиться здесь старообрядцы (главным образом часовенного согласия) стали с начала XX в. По данным переписи 1915 г., старообрядческих деревень было больше всего в Ключевской волости³, которая составила основу Тернейского района через 17 лет, в 1932 г. При настойчивом исследовании можно проследить целые семейные кланы старообрядцев, живших в этом районе⁴. Кроме того, в Тернейском районе старообрядческие селения сохранялись более длительный период чем в других⁵.

Природа этого уголка Приморского края создала благоприятные условия для существования старообрядческих общин, которые подвергались гонениям как со стороны царских властей, так и со стороны советской власти. Отрезанность от основных коммуникаций препятствовала не столько староверам, желавшим покинуть этот район, сколько чужакам проникнуть туда. Но к 30-м годам XX в. относительное уединение и изолированность жизни старообрядцев были грубо нарушены, что привело к вооруженному столкновению. Одним из первых, кто осветил эту сторону жизни старообрядцев, был писатель Л.Н. Князев. Личный фонд писателя, находящийся в Государственном архиве Приморского края, содержит, в частности, отклики участников событий на его повесть «Крайняя мера», написанную в 1972 г.⁶ Писатель пользовался как материалами следственного дела, так и воспоминаниями участников событий⁷. Несмотря на то, что повесть была написана в годы, когда все выступления против советской власти рассматривались как явления исключительно отрицательного характера, автору удалось не только воссоздать историческую достоверность — при чтении повести чувствуется определенная доля симпатии к восставшим⁸.

В дальнейшем материалы следственного дела против «старообрядческой повстанческой организации» привлекли внимание этнографов и историков

религии⁹. И одно только Бикинское Соборное Уложение 1924 г., находящееся в следственном деле, является незаменимым источником по истории культуры, религии и этнографии русских старообрядцев Дальнего Востока, не говоря уже о всей совокупности документов¹⁰. Бикинское Соборное Уложение вполне можно рассматривать как самостоятельный исторический документ, аналоги которого крайне редки. Изучались тернейские старообрядцы по материалам архивно-следственных дел не только в этнографическом плане, но и в контексте политических репрессий в СССР¹¹.

Материалы следственных дел — это один из самых информационно насыщенных исторических источников. Репрессированные старообрядцы встречаются довольно часто¹². Но на сегодняшний день этот источник в то же время самый малоизученный. Это объясняется прежде всего тем, что историческим источником старообрядцы стали не так давно и кроме того практически не имеют необходимого поискового аппарата. По имеющимся поисковым данным можно узнать фамилию, статью, по которой был осужден человек, срок и другие данные. А вот определить, был ли он старообрядцем и выходцем из Тернейского района (осудить его могли и в другом районе), можно только изучив само дело. Это создает эффект иголки в стогу сена. Но при целенаправленной работе архивистов этот недостаток вполне устраним. Так, по материалам архивно-следственных дел готовится «Книга Памяти жертв политических репрессий» по Приморскому краю, в создании которой участвуют и сотрудники Государственного архива Приморского края.

Обратившись к партийным, хозяйственным и документам властных структур, хранящимся в Государственном архиве Приморского края, видим что, несмотря на свою «распыленность», они позволяют значительно расширить данные по истории старообрядцев Тернейского района. Документы можно разделить на три группы.

Первая — документы собственно Тернейского района. По истории именно старообрядцев это, как ни странно, наименее информационно насыщенная часть. Тем не менее, используя данную группу документов, можно установить, что представлял собой район в хозяйственном плане. А это уже немаловажные данные, характеризующие жизнедеятельность в районе и соответственно показывающие общеэкономический фон, в котором жили старообрядцы.

Вторая группа — документы партийных структур. Материалы за 30-е годы наиболее информативны. В партийных документах этого периода старообрядцы отмечаются исключительно как непримиримо-враждебная советской власти сила. Поэтому упоминание о старообрядцах встречается в следующем контексте: в протоколе 2-й Приморской областной конференции от 20—26 мая 1937 г. под № 53 значится доклад Максимова, где затронута тема антирелигиозной работы в крае и говорится о борьбе со старообрядцами в северных районах, которые вели антисоветскую пропаганду¹³. При исследовании реакции старообрядцев на репрессивную политику определенным интересом представляет докладная записка от 16 октября 1937 г. «О борьбе с врагами народа и ликвидации последствий вредительства в Тернейском районе» от инструктора обкома ВКП(б) И.П. Толстикова». В разделе III этой докладной «Политическая работа в районе», в подразделе «Ахобинское дело» говорится о деятельности и влиянии церковника Рыжова на «отсталое» население с. Ахобе,

который в знак протеста против колхозного строительства решил уморить голодом в тайге 8 взрослых и 12 детей¹⁴.

Третью группу документов составляет фонд Уполномоченного по делам религий при Совете Министров СССР по Приморскому краю. В этом фонде представлены главным образом документы, относящиеся к послевоенному периоду (1946 — 1991). Документы за 1943 — 1945 гг. крайне малочисленны. Сведения о старообрядцах встречаются довольно часто¹⁵, но непосредственно тернейских среди них почти нет. Это объясняется тем, что компактное проживание старообрядцев было нарушено в 30-е годы. Тем не менее по отрывочным сведениям этого фонда можно восстановить пути миграции старообрядческих семей.

Сотрудниками Государственного архива Приморского края составлен перечень документов (кроме архивно-следственных дел), содержащих информацию по истории религии в Приморском крае. Этот перечень позволит исследователям ориентироваться при поиске необходимой информации, в том числе и по истории старообрядцев.

¹ Сборник постановлений и распоряжений Далькрайисполкома, 1932. С. 561.

² ГАПК. Ф. 1518. Оп. 1. Д. 8. Л. 176.

³ Аргудяева Ю.В. Численность и структура старообрядческой семьи на юге Дальнего Востока России. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 2000. С. 11.

⁴ Аргудяева Ю.В. Численность и структура старообрядческой семьи на юге Дальнего Востока России. // Старообрядчество Сибири... С. 12; Соболев Г.Ф. Старообрядческий род Соболевых. Там же. С. 302—330.

⁵ Хохлов В.П. Опыт исследования старообрядческих родословий. // Старообрядчество Сибири... С. 297.

⁶ ГАПК. Ф. 1546. Оп. 1. Д. 66. Л. 7—9 об.

⁷ Князев Л.Н. Крайняя мера. Владивосток. Дальневосточное книжное издательство. 1972. С. 254.

⁸ Князев Л.Н. Залпы в тайге. Владивосток. 1976. С. 316 и др.

⁹ Аргудяева Ю.В. Старообрядцы. // Россия и АТР. № 2. Владивосток. 1993. С. 111—123; Кобко В.В. «Бикинское Соборное Уложение» 1924 г. старообрядцев-часовенных северного побережья Приморья как историко-этнографический источник. // Алтарь России. вып. 1. Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока, история и современность: местная традиция, русские и зарубежные связи. Материалы науч. конф. 19—25 сент. 1994 г. Владивосток, 1997. С. 65—68; Она же. Заимка крестьян старообрядцев (юг дальнего Востока, середина XIX — 30-е годы XX в.) // Россия и АТР. № 1. Владивосток. 1999. С. 59—67; Она же. К истории пустынножительства на северном побережье Приморья. // Вестник ДВО РАН. 1996. № 5. С. 122—129.

¹⁰ ГАПК. Ф. 1588. Д. ПУ—7048. Т. 1. Л. 60—64 об.

¹¹ Караман В.Н. Улунгинское восстание старообрядцев 1932 г. // Старообрядчество Сибири... С. 70—77; Кобко В.В. Следственные материалы как источник по истории старообрядчества Приморья (конец 20 — 30-х годов XX в.) // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 — 1950-е годы. Материалы первой дальневост. науч. практ. конф. Владивосток. 1997. С. 188—197. Соболев Г.Ф. // Старообрядчество Сибири... С. 302—330.

¹² ГАПК. Ф. 1588. Д. П—3321 и др.

¹³ ГАПК. Ф. П—1. Оп. 1. Д. 587. Л. 130—131.

¹⁴ ГАПК. Ф. П—1. Оп. 1. Д. 611. Л. 13—14.

¹⁵ ГАПК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 115. Л. 1—190 и др.

SUMMARY. V. Karaman on the base of archive documents depicts the history of Old-Believers of Terneiskii region of Primorye.